

Иван Александрович Гончаров

Май месяц в Петербурге

**Гончаров Иван
Александрович
Май месяц в Петербурге**

И. А. Гончаров МАЙ МЕСЯЦ В ПЕТЕРБУРГЕ

Очерк

На одном из проспектов в Петербурге был, а может и теперь есть, высокий дом, который одною стороною выходил на какой-то канал, а другую в противоположную улицу. С боков, в улице и переулке были жилые помещения.

Посреди двора тянулся также флигель и разные квартиры. Словом, дом был обширный.

С лицевой стороны два главные подъезда принадлежали к большой квартире в бельэтаже, занимаемой генералом-графом и супругою его графиней Решетилowymi.

Граф был человек военный и возражений на свои приговоры не допускал. Только от равных себе по чину он принимал противные его взгляду мнения. На низших же смотрел свысока.

У графа были дети. Один сын служил в гвардии, в Конном полку, другой был паж.

У графини была дочь, подросток. Она еще не выезжала, У нее была гувернантка.

С другой стороны в бельэтаже жил ка-

кой-то важный чиновник, а вверху над ними проживала две девицы-сироты, уже на возрасте.

Внизу был ренсковый погреб, хозяин которого, купец Гвоздев, очень заинтересован этими девицами. Всякий раз при проходе их, стоя на пороге своего магазина, он низко раскланивался, чем девицы весьма обижались. Чего-чего он ни делал, чтобы привлечь их внимание! Например, на святой неделе он купил где-то на Невском проспекте, в иностранном магазине, яйцо такой чудовищной величины, что ахнул весь дом. Он доверху набил яйцо конфетами и принес к сестрам-девицам, чтобы похристосоваться с ними. Сестры тоже ахнули и не могли отказаться от христианского обычая.

Когда у него были занятия в погребе, он высылал вместо себя мальчика, и тот давал ему знать немедленно, лишь только сестры показывались на тротуаре.

На дворе помещался некто Чиханов с женой. Он занимал четыре комнаты: две были отделаны особенно чисто, а другие две попроще.

Над ним жили три чиновника холостых, с кухаркой. Над ними еще чиновники. Посредине тоже ютились разные жильцы и расположены были торговые помещения.

Всем этим домом заведывал управляющий всегда отсутствующего хозяина, Иван Иванович Хохлов. Это был несколько высокий, сутуловатый человек, с большой бородавкой на щеке, покрытой волосами, и с вечной улыбкой, которою он сопровождал свои шутки. Он всегда шутил. Занимал он несколько комнат в среднем корпусе, из которых одна была обращена в контору. В ней он принимал посетителей, то есть жильцов дома. Те, которые были поважнее, приглашали его к себе, в том числе и граф-генерал.

Вот, кажется, все, что можно сказать об этом доме. Утром дом только что просыпался. Раньше всех проснулись, конечно, голуби, воробьи и кошки. Кошки вылезали из труб чердаков, гоняясь за голубями. Но, кажется, сами сознавали бесполезность своих покушений; они только что присядут, чтоб броситься на добычу, голубям и воробьям стоило своротить в сторону или перелететь на другую

крышу - и кошки притворялись, что это их будто вовсе не занимает и что они делают так только, чтоб не терять своих приемов гоняться за пернатыми. Но горе тем, кто оплошает!

Все прочее еще спало, хотя было давно светло. В это время, в мае, на севере всегда светло.

Часов в семь дворник Архип вынес самовар, обхватив его, как друга, рукой и начал звать товарища своего пить чай. На другом дворе наблюдалось то же самое. Окончив это дело, если тут было сколько-нибудь дела, они принялись мести, вздымая пыль, навоз и другое, что валялось на мостовой. Около них образовались целые облака, до самой крыши. Дом и улицы - все утонуло в дыму.

Сверху вдруг раздался крикливый голос кухарки. - Что вы пылите-то, черти! Я только поставила сливки на подоконник простудить, а вы намели пыли. - Она поперхнулась и закашлялась. - Право, черти! - прибавила она.

Но самих дворников не было видно. Только голос из облака отвечал:

- Как же нам быть, когда сам поедет, дворы и перед домом улицу надо вымести. И приня-

лись опять мести.

Галерея, или как дворники прозывали "галдарея", просыпалась. Лакеи чистили мундиры графа и сыновей его,

На другой стороне горничные отряхали пыль с платьев, ботинок графини, дочери ее и гувернантки.

Внизу, на обоих подъездах, швейцары ставили самовары. Один пузатый, плешивый, - не самовар, а швейцар, - со стороны графини, а другой, в военном унтер-офицерском мундире, со стороны графа. Нельзя было не заметить трубы из синей бумаги на одном из самоваров.

Был еще восьмой час утра. Оба швейцара (один пил кофе, а другой - чай) напились, оделись и ждали девяти часов, когда приносят письма и газеты.

С улицы городской просунул было на двор голову и крикнул дворникам:

- Что вы, с ума, что ли, сошли, пыль столбом до самой крыши! Эк напустили!

Он закашлялся и плюнул. Тогда дворники очнулись:

- Сами же вы велели...- начал было один.

- Так я велел поливать, а вы что делаете, только пыль разводите!

Тогда дворники, один взял шайку, другой полоскательную чашку, стали поплескивать воду на двор и на мостовую перед домом.

Какой-то ранний прохожий, зажимая нос и жмурясь, спешил пройти мимо.

- Что это вы за пыль подняли на улице: нельзя дышать! - упрекнул он.

- Полиция велит! - сказал первый дворник.

С противоположной стороны ехала на дрожках барыня, и зонтиком, сколько могла, защищалась от пыли.

- Какая пыль! Что это вы, с ума сошли? - сказала она.

- Полиция велит! - отвечал второй дворник.

Около дома на другой стороне и около других домов дворники твердили то же самое и неистово мели улицу, не заботясь о прохожих и проезжих. У них была одна отговорка: "полиция так велит". Пыль кое-как осела.

Наконец ударило 9 часов, графу и детям его понесли чай, а графине, дочери и гувернантке - кофе.

Вот поехал и сам, то есть частный пристав. Он зорко осмотрел дом, улицу и двор, погрозил почему-то дворникам и вытянувшемуся в струнку городовому.

Почтальон принес газету, журналы и письма.

Тогда оба швейцара принялись разбирать, кому какие журналы, а кому письма.

- Кто его знает, по-французски это или по-другому; кому это письмо, а кому другое? - говорил военный швейцар.

- Уж я вам тысячу раз твердил, - заметил статский, - это по-французски, а это по-аглицки.

На это замечание военный только погладил свою голову и ничего не сказал, а сам, кажется, думал: "Бог знает, что ты там скажешь".

Статский высокомерно поглядел на военного, разобрал все по порядку, но все перепутал, так что потом пришлось все перебирать опять. В середине двора сверху раздался голос Чиханова:

- Дворник, дворник! Поди сюда!

Один из дворников уткнул только вверх

голову и ничего не оказал. А товарищ ему тихо говорил:

- Не ходи, это Чиханов тебя зовет, опять куда-нибудь пошлет.

Первый в нерешительности смотрел вверх и ничего не говорил. Голос сверху опять повторил:

- Дворник, тебе говорят, иди сюда!

- Не ходи! - твердил товарищ его. - Он опять тебя пошлет куда-нибудь, к итальянцу, в Морскую, без денег, а там тебя в шею вытолкают.

- Как не ходить-то, - отвечал первый, - иной раз он в долг взять велит разного товара, а другой раз даст сотенную расплатиться там за все, что забрано в лавках; а когда станешь отдавать ему сдачи, рублей с лишком десять: "возьми, скажет, себе на чай!" Так-тось!

Сказав это, он пошел вверх к Чиханову. Тот велел ему зайти к итальянцу и в другие лавки, купить масла, сыру, вина и прочих закусок, а денег опять не дал.

Дворник постоял, постоял, взял записку - чего купить, и задумчиво, тихо, точно ногами

считал ступени лестницы, пошел вниз.

- Опять денег не дал! - ворчал он про себя. - В лавках, пожалуй, в шею прогонят!

- Я тебе говорил, не ходи! - заметил товарищ. Первый взял шапку и со вздохом пошел со двора. Между тем, к управляющему в контору приходили и уходили разные жильцы дома. Один просил отсрочки уплаты за квартиру. Это был Чиханов. Он сладким, певучим тенором, с масляным взглядом, просил отложить плату до следующей трети.

- Тогда получу и непременно, непременно отдам...

- Будто!.. - сказал на это Иван Иванович и улыбнулся по-своему. - Не верится мне!

Другой, напротив, принес деньги за то же самое. Третий жаловался на течь в потолке и на сырость.

Иван Иванович всех удовлетворил: Чиханову отсрочил, как он просил, оплату до такого-то числа, чему тот очень обрадовался и проворно убрался к себе; от другого Иван Иванович принял деньги, третьему обещал прислать мастеравого осмотреть потолок и сделать что нужно.

Чудный человек был этот Иван Иванович. Он всем умел быть полезен и всем угождал и никогда не расставался со своими шутками и со своей улыбкой. Как он отговаривал молодежь обоюго пола, стриженных девиц в синих очках, длинноволосых юношей с развязными манерами, от найма квартиры в этом доме! Вообще у него был какой-то особый нюх на благонадежных и благонамеренных жильцов.

Пришли к нему какие-то две жилицы и просили взыскать с них за настоящую треть не все деньги за квартиру, а половину, потому что они-де переезжают на дачу, а вернувшись в сентябре, заплатят остальное. Иван Иванович удовлетворил их просьбу, зная их аккуратность. Пришел в контору какой-то Зашибаев, на которого он смотрел с особенной улыбкой.

- Ну, здравствуйте, как поживаете?.. Сегодня вы в новых панталонах, вот как! - сказал он.

- Это товарищ мой прислал: у него две пары! - беспечно отвечал Зашибаев, небрежно поглядывая на свой костюм.

Иван Иванович с улыбкой смотрел на него.

- Что ж вы смеетесь, что панталоны у меня есть!.. И всегда будут - без панталон никто не ходит! Нечего и хлопотать, откуда они возьмутся! Он хлопнул себя по брюкам.

- Что ж, вы деньги за квартиру принесли за эту треть? - спросил Иван Иванович.

- Нет, я зашел сказать вам, что у меня их нет.

- Не стоило и заходить! - сказал Иван Иванович, улыбаясь. - Я знал вперед, что это так будет.

На другом дворе важный чиновник уезжал в свое присутствие. По фамилии его звали Вальнев, а по имени Петр Егорович, но все больше величали его "ваше превосходительство", по его чину. Он был тоже феномен в своем роде, этот важный чиновник. Он всегда был озабочен, говорил всем, что у него пропасть дела, и даже уверял свое начальство, что он не спит, не ест, а все делает дело. Выпросит себе какую-нибудь командировку, всегда полегче, а денег на нее побольше, сдаст все дела свои другим, и возится с этой коман-

дировкой целые месяцы; потом уверяет всех и каждого, больше всего свое начальство, что без него и без его трудов, дело бы стояло. Потом всем говорил, что был там-то вице-директором, там помощником управляющего, здесь состоял в такой-то должности, делал то-то... Но никогда не намекал, что сделано им путного на том или другом месте.

Он выпросил себе чинов, звезд, денег - всего, и начальство было в недоумении, какую пользу принес он отечеству, делало, при виде его, большие глаза и отпускало ему все, чего он ни попросит. За глаза прозвали его "холопом", "нахалом", но в глаза ему ничего не говорили, а только спрашивали друг друга, "в чем состояли его заслуги, и что такое он делал, чем взял?" На это никто ничего не мог ответить, многие пожимали плечами, делали, глядя на него, как сказано выше, большие глаза. Он как-то проглатывал это вольным духом и храбро шел туда, где его не знали, уверять, что на его плечах лежит целое ведомство.

Он был небольшого роста, с маленьким лбом; с высшими себя почтителен, равных из-

бегал, а с низшими нагл и настойчив.

В домашнем быту своем он был во всем приличен, но, взглядываясь в приличие это, заметишь белые швы. У него в квартире было все сборное, никакого единства, то есть вкуса в обстановке не было. Мебель была из Гостиного двора, картины оттуда же. Тут же под ногами дорогой персидский ковер, о котором он случайно прочел в газетах. Словом, когда войдешь в квартиру, все на взгляд было прилично, хотя все смотрело врознь. Джентльменом он не был, едва ли даже понимает это слово, или смешивает его с крупным чином. В настоящую пору он ладил, как бы ему жениться на богатой, хоть купеческой дочери, и взять приданого побольше. Таков был этот важный чиновник. Девицы-сироты пошли пройтись куда-то по набережной. Хозяин ренского погреба, купец Гвоздев, стоя у себя на пороге, с восторгом смотрел вслед им обеим. "Эх!" - крихтел он, следя за ними влюбленными глазами. Между тем настал полдень, затем завтрак. К графу приехал завтракать другой генерал. Дети разъехались по службе. В первом часу все собрались к столу, также и графиня с

дочерью и гувернанткой.

После завтрака граф и гость его, другой генерал, уехали в свой Совет, графиня села в гостиной принимать посетителей, а дочь с гувернанткой скрылись в своей комнате.

К графине - то приедет русский архиерей, то католический прелат, иногда какая-нибудь великосветская барыня с визитом. Графиня одинаково говорила и с русским преосвященным, и с католическим прелатом, и с великосветской барыней. Услышит, например, она, что в такой-то церкви православный священник будет говорить красноречивую проповедь, она едет туда, выслушает и умилился искренно. Узнает, что готовится говорить католический прелат, она едет в инославный храм и также умиляется, как он хорошо говорил; точно так же с восторгом слушает и какого-нибудь апостола из светских проповедников, нужды нет, что он проповедует явный раскол. А к вечеру забудет их всех.

Часа в три вдруг графиня, как сидела, так поднялась со своего места, накинула, не глядя, какую-то мантилью на плечи, на ходу надела шляпу, перчатки. Ей подали экипаж, она

села и поехала, куда глаза глядят. Ей предшествовал лакей. Она не ездила, как большинство наших барынь, по магазинам, а посещала музеи, картинные галереи, мастерские художников.

Дочь с гувернанткой и лакеем пошли в Летний сад. Дом как будто заснул. Только то к тому, то к другому подъезду подъезжали кареты: лакеи соскакивали со своего места, принимали от господ визитные карточки, подавали швейцарам и ехали дальше.

Графиня вернулась к шести часам. Последнею ее гостьей была княгиня Перская, приятельница графини. Она приехала к последней обедать и жаловалась ей, что "измучилась со всем, делая визиты".

- Представь, я нынче сделала двадцать два визита... это ужас! - с неподдельным ужасом говорила она. Графиня с состраданием покачивала головой. - Осталось еще визитов тридцать! - со вздохом добавила она.

- Зачем ты их делаешь, эти визиты? - спросила графиня. - Ты бы, как я, вовсе не ездила!

- Нельзя, нельзя! - строго заметила княгиня. - Если делать по-твоему не соберешь у себя

на бале всех маменек и тетушек! Вот ты узнаешь, когда будешь вывозить свою Nadine! Хорошо еще, что сегодня в четырнадцати домах не было хозяек у себя, я оставила карточки, а в восьми домах приняли - надо было тащить-ся на лестницу! - со вздохом прибавила она. - Да... я и забыла сказать тебе: представь себе, я видела во сне - гроб! Что бы это значило? вдруг спросила она. На это графиня только улыбнулась и покачала головой. Вскоре приехал ее обыкновенный гость, - высокий, лет шестидесяти, мужчина, в белом батистовом жабо, в черном фраке, с прозрачными ногтями, накрахмаленный, державший себя прямо, как палка. Он был ежедневным посетителем и являлся неизменно к обеду.

Когда-то он был равнодушен к графине, в ее девичестве, но, как у него было каких-то триста, а у графа, тогда еще подполковника, тысячи три душ, то он скромно уклонился от сватовства, предоставив первому искать руки его предмета, а сам остался вечным обожателем графини.

К обеду же приехал к генералу еще какой-то статский, весь в звездах, потом яви-

лись дети, и все сели за стол.

В то же утро, часа в два, приехал к Чиханову старинный его приятель, богатый князь Копылин. Муж и жена Чихановы встретили его в комнатах получше.

- Eh bien, mes enfants, как поживаете? - сказал князь, обращаясь к мужу и жене и пожимая им руки.

- Нельзя сказать, чтобы хорошо, князь! - сказал Чиханов.- Сидим без денег и на Антониевой пицце.

- Как так, "без денег и на Антониевой пицце"? Что это значит?

- Так, князь: ведь я у вас просил денег, потому что... мы едим печенку с огурцами, приходится так...

- Sauce madire? - спросил с некоторым вниманием князь.

- Вы смешиваете печенку с почкой: это две вещи разные! - сказала Чиханова.

- Печенка, печенка! - повторял князь. - Qu'est ce que c'est que за?

- Печенка c'est la foie, а почка c'est le rognon. - А, теперь понимаю! - сказал князь. В это время лакей отворил дверь в другую ком-

нату, где накрыт был стол на три куверта,

- Это только для вас, князь, и при вас мы позволяем себе такую роскошь! - сказал Чиханов и просил князя принять от них завтрак.

Он велел выставить ряд закусок и вин, за которыми посылал в лавки дворника, уговорил чьего-то повара сделать бифштекс, - словом, все устроили, как принято в хороших домах.

- Неужели вы едите печенку? - прибавил князь, почти с отвращением. Чиханов комически вздохнул.

- Что делать! Денег, нет, чтоб есть, как порядочные люди едят, - сказал, опустив глаза, Чиханов.

Жена его в это время перебирала концы своей шали. Князь посмотрел на них обоих как бы с состраданием, достал со вздохом из кармана своего бумажник, отсчитал пять сотенных бумажек и отдал их Чиханову.

- Вот вам, на первый раз довольно! - сказал он. Потом все принялись за завтрак. Чиханов говорил, рассказывал анекдоты, делал удачные карикатуры общих знакомых. И все трое смеялись, завтракали, пили вино, как ни в

чем не бывало.

Посидев еще немного, поговорив с Чихановым, князь пожал им обоим руки и уехал.

Чихановы точно ожили. Он энергически потряс сотенными бумажками; одну отдал жене, а остальные спрятал в карман.

- Ну, теперь недели на две разжились! Вот сто рублей тебе, а остальные мне!

Он захохотал. И с этими словами разошлись в разные стороны.

Он не зашел к Ивану Ивановичу отдать долг за квартиру, а тихо проскользнул поспешно мимо него, выкупил у портного свое платье, потом достал себе билет в театр, в первых рядах, потом пообедал во французском ресторане, вовсе не печенкой, а как следует: пятью блюдами, с бутылкой доброго вина. Так прошел у него второй и следующие дни.

А она, жена его, заехав в Гостиный двор и к портнихе-француженке, оделась скромно, но прилично, в черном платье, с подвязанной щекой, будто от зубной боли, и поехала к знакомым богатым барыням клянчить на бедность, и добыла в свою очередь рублей две-

сти.

Когда-то Чиханов служил в военной и гражданской службе, вертелся в большом свете, жил долгами, но был всегда франтовски одет, принят в лучших салонах. Его называли "cidevant jeune homme", "ловким малым", а кое-где и "пустым человеком". Но ему дела ни до чего не было, он хлопотал только о том, как бы прожить весело день. Жена его была как-то в тени я жила своей особенной жизнью.

К обеду сходятся обыкновенно все - все и у графа сошлись. Граф-генерал, графиня, дети их, тоже и гости сели за стол.

Важный чиновник Вальнев, на другой стороне, приехал из своего присутствия, пообедал, лег спать. Живущие над ним девицы давно отобедали и ушли куда-то в гости. Опять купец Гвоздев проводил их с крыльца своего магазина, с поклоном и с улыбкой восторга глядя им вслед.

Генерал-граф прислал "просить", так выразился человек, а граф велел попросту позвать к себе управляющего домом.

- Любезный Иван Иванович! - сказал он по-

своему ласково, но выходило это не ласково. - Садись, садись здесь.

Он показал ему стул. Он говорил ему то "вы", то "ты" и не знал, как с ним обращаться. Этот Иван Иванович был только титулярный советник и не любил соваться вперед своим знанием и образованием.

- Вот что, - сказал граф, - у меня на кухне лишний повар, - мне сегодня только об этом сказали, - нельзя ли его пристроить?

- Отчего же, можно! - подумав, с неизменной улыбкой отозвался Хохлов. - Место готово, хоть сейчас!

- Так чего же лучше? Если готово, то и мешкать нечего!.. - сказал граф.

- Только там денег не платят, - заметил Иван Иванович, со своей неизменной улыбкой.

И сам граф и гости его залились смехом. У графа даже эпoletы заплясали на плечах. Все, выпуча глаза, смотрели на Ивана Ивановича.

- Заставят поработать вашего повара с месяц, или около того, потом и откажут: "Не хорош, мол, не годится", - скажут ему и дадут что-нибудь из милости, что вздумают, в воз-

награждение.

Опять граф и гости его засмеялись.

Все это, кажется, Иван Иванович выдумал, то есть "место для повара, где денег не платят", чтоб граф не приставал к нему со своим предложением. По крайней мере, идучи от графа к себе домой, он усиленно чему-то улыбался.

Настал вечер. Чиновники, жившие под Чихановым, давно отобедавшие, каждый чем-нибудь занимался. Один читал какую-то книгу, другой рассматривал дело из своей канцелярии, а третий, постарше, по фамилии Брагин, служивший по особым поручениям при одном директоре департамента, что-то усердно писал, бормоча про себя: "И на сию командировку положить ему, Лязгину, прогонные по чину... всего 200 рублей, да суточных, примерно, по 4 рубля, итого..." Он положил перо.

- Маланья! - крикнул он кухарку.

Минуты через две в комнату вошла пожилая, бойкая женщина. Брагин хлебнул из стакана пунша.

- Маланья! - повторил он.

- Чего вам, я пришла! - сказала Маланья.

- Если б ты теперь словила на дворе петуха и передала его соседям, а полиция предписала бы, во что бы то ни стало, отыскать этого петуха...

Маланья не вдруг поняла сказанное, и сначала, разиня рот, подумала с минуту, потом, кажется, смекнула.

- А как она, ваша полиция, отыщет его? Я бы взяла и отдала дворнику через задний ход... - проворно сказала она.

- погоди, погоди! - нетерпеливо перебил ее Брагин. - Квартальному начальство выдало бы десять рублей за этого петуха...

- Весь петух-то не стоит и тридцати копеек: за что же давать, десять-то рублей? Да не отыщет она никак, ваша-то полиция, когда я отдам дворнику через задний ход, а десять рублей пропадут!..

- А вот здесь посылают офицера и дают прогонные и суточные по чину, тогда как дело-то все в трехстах рублях.

Один из чиновников, Юхнов, вскочил из-за стола.

- Да что вы, Андрей Тихонович, опять за свое: теперь стали начальство бранить!

- А что, не нравится! - сказал Брагин, смеясь и прихлебывая пунш.

Третий чиновник, Понюшкин, только усмехнулся. Маланья посмотрела на них всех троих, утерла фартуком нос и ушла к себе.

- Я думала, зовут за делом, а они вот что выдумали? У меня еще посуда не мыта! - ворчала она.

В это время раздался звонок. Явился курьер от эзекутора того департамента, где служил Брагин, и объявил последнему, что завтра уезжает за границу директор с супругой, так не угодно ли проводить их превосходительство на станцию. "Так, мол, эзекутор велел сказать".

- Разве завтра? Ведь директор хотел ехать на той неделе! - возразил Брагин и в это время хлебнул пунша из стакана. Он сказал курьеру: "Хорошо, скажи, что буду". Курьер ушел.

- Тут занимаешься делом, вдруг изволь провожать директора на станцию!

Он вздохнул.

- Или в праздник, например: чем бы отдохнуть у себя дома, надо поздравлять началь-

ство! И выходит - суета сует!

Он даже плюнул. Юхнов бросил перо и вскричал:

- Вы опять, Андрей Тихонович, на начальство роптать!

- Что, не понравилось вам? - язвительно заметил Брагин. - По-вашему, молчи! Ха-ха-ха!

Понюшкин опять только усмехнулся.

В тот же вечер у графа уселись играть в карты, а к графине собрались молодые люди и девицы и вместе с графскими детьми занялись музыкой.

Швейцары оба все ссорились между собой. Статский швейцар спорил с военным о том, чьи гости важнее - графа или графини.

- У моего-то графа вон какие, все в звездах! А один гость ездит, махонький такой: чего-чего на нем нет! У вас таких не бывает!

- У нас-то?! - с презрением отозвался статский. - Да у нас такие бывают княгини и графини, что вам и во сне не видать!

- Легко сказать! - отозвался военный. Купец Гвоздев с порога своего погреба продолжал следить восторженным взглядом за обеими девицами. Те торопились пройти мимо

или ворочались, заметив его, домой, перебра-
ниваясь между собой о том, к кому относятся
эти комплименты. Ни одна из сестер не хоте-
ла брать их на свой счет. Дело в том, что они
были дочери умершего коллежского советни-
ка, следовательно, в некотором роде дворян-
ки, а он только купец.

Что касается Брагина, хотя он зарычал, как
бульдог, на извещение экзекутора об отъезде
за границу директора и его жены, но на дру-
гой день явился на станцию с глубоким по-
клоном этому самому директору и букетом
цветов его супруге. Он не только не был пьян,
но был прилизан, причесан и в свежем виц-
мундире. Он и экзекутор были между собою
приятели и любили вместе выпить. Они жи-
ли, что называется, душа в душу, то есть рука
руку мыли. Оттого Брагин и получил извеще-
ние от экзекутора об отъезде директора за
границу.

- Сюда, сюда, ваше превосходительство, сю-
да пожалуйста! - твердили взапуски экзекутор
и Брагин, приглашая директора на назначен-
ные им места в вагоне.

Директора, кроме родных и знакомых, еще

проводил заступивший его место в его отсутствие вице-директор, какой-то немец Шлеппе, человек тихий и добрый. Он приехал сюда, как для приличия проводить директора, так и для того, что директор давал ему кое-какие наставления, что делать в его отсутствие.

- Да, да, будет исполнено, все будет! - говорил в ответ Шлеппе.

Поговорив с ним, директор обратился к Брагину:

- А вы, Брагин, не забудьте дела, которые я вам поручил...

- Как можно забыть, ваше превосходительство! Сделаю все, все, до дела Лязгина включительно...

- Да, дело Лязгина... Да, да, - прервал директор, - ведь я вам его передал?

- Как же, ваше превосходительство, оно у меня: Лязгину назначено двести рублей на командировку, да прогонных по чину. Бумага у меня готова...

- Так Иван Богданович подпишет мои распоряжения, офицер получит деньги и отправится... Да... да... Что еще я хотел сказать? - торопился директор.

- Пойдем скорее! Мы опоздаем! - говорила между тем директорша и наскоро отдавала горничной разные мелкие вещи для размещения их в вагоне и в то же время прощалась с родными и знакомыми.

- Adieu, ma chère, - кричали ей разные голоса. - Пишите чаще! Прощайте! До свиданья!

- Да, да; я еще что-то хотел объяснить, да как в этой суматохе объяснишь!.. Прощайте, прощайте!..

- А вам, Петр Петрович, - обратился директор к экзекутору, - я еще на квартире сказал, что без меня делать... Еще что-то я хотел сказать... говорил растерянный директор.

- Слушаю, ваше превосходительство, все будет сделано, - твердил, как сорока, экзекутор,

Курьер между тем принес квитанцию на багаж, сдачу и подал директору.

- Так прощайте, до свидания! - сказал директор, подав руку только вице-директору и своим родным.

- Прощайте, ваше превосходительство! - кричали все.

- До свидания! - повторили директор и же-

на его, высовываясь из вагона и кивая головой всем и каждому.

Больше всех юлил Брагин, подавая свой букет директорше и целуя ей руку, а директору отвечивал глубокие поклоны.

- Прощайте, счастливого пути вашему превосходительству и скорого возвращения!

- До свидания, до свидания! - раздавалось из вагона. Поезд тронулся и ушел.

Родные и знакомые разъехались. Вице-директор уехал к себе, Брагин и экзекутор, рука в руку, пошли вместе.

- Теперь мы покутим! - сказал Брагин. - Директор, слава Богу, уехал, а этот вице-директор, Иван Богданович, мякушка!

- И то мякушка, ты правду сказал! И ленивый какой - ужас! Плохо не клади бумаги, где стоит "вице-директор" - сейчас подпишет.

Брагин усмехнулся.

- Пойдем-ка лучше в место злачное и покойное, где ни печали, ни вздыханий... Туда, знаешь, на угол? - сказал он.

- Хорошо, да только мне надо забежать в департамент: там у меня дело есть, надо распорядиться.

- И мне нужно на часок-другой домой: у меня ведь бумаги о Лязгине не готовы, хоть я и сказал директору, что написал их. Пожалуй, завтра Иван Богданович спросит.

- Лязгин то и дело бегают к казначею: ждет не дождется, когда получит деньги.

Оба засмеялись.

- Так часа через два мы там опять... - сказал Брагин. - Знаешь?

- Знаю, знаю! - с усмешкой отозвался экзекутор, и приятели разошлись, чтоб в скором времени опять сойтись в трактире.

Какой же вывод сделать из всего этого! - Ровно никакого.

Прошел один, другой и третий май-месяцы... Их сменяли летние жары, потом осенние непогоды, зимние морозы и так далее. Дом стоят все на том же месте. Надо начать сначала: с голубей, воробьев и кошек. Первые выводили новые поколения, кошки тоже обзаводились котятками. И те, и другие вели между собою войну: кошки учили котят гоняться за голубями и воробьями, а воробьи и голуби, в свою очередь, так же, как и прежде, перелетали на другую крышу.

Дворники, может быть, все тот же Архип и его товарищ, по-прежнему ставили самовары и пили чай, потом принимались мести двор и улицу, в ущерб проходим и проезжим, все с той же оговоркой: "полиция велит!" По-прежнему они плескали из шаек и полоскательных чашек воду на двор и мостовую.

По-прежнему проезжал по улице "сам" и, может быть, грозил пальцем дворникам и городовому. Швейцары графа и графини Решетиловых все ссорились между собой, по-прежнему разбирали, кому какие журналы и письма.

Граф Решетилов уехал на лето в свое имение хозяйничать. Жена его, послушав проповедников русских и нерусских, отправилась за границу на воды, с дочерью и гувернанткой. Дети их ушли в лагерь. Квартира опустела. Только оставленные беречь ее лакеи расселись на барских диванах и играли в носки и в свои козыри.

Важный чиновник, выпросив себе у начальства еще какую-то лепту, сосватал себе невесту, в купеческом семействе, как он хотел, с большим приданым. Теперь он заводит

экипаж и лошадей, и высматривает в газетах, не продается ли где-нибудь подешевле и то и другое. Он заметил в какой-то газете, что выгодно продается пара вороных, с белою во лбу отметиной. Кроме того, он убирает свою квартиру, заводит мебель, зеркала и ковры, все руководясь газетами. Да еще у своего начальства выпросил крупную сумму на свадьбу.

Чиханов рад бы переехать с квартиры с женой на другую, более ему подходящую, но его не пускает неумолимый Иван Иванович. Он считает за ним две трети незаплаченных денег. Чиханов клянется заплатить, лишь только будут у него деньги. Но Иван Иванович не верит. Он очень искусно переписал его вещи на хозяина дома за долг и только все улыбается. Чиханов забегал к нему раза три, но, видя его непреклонность, вдруг бросил все - куда-то исчез. Июнь и июль он прожил в одном семействе, в августе с кем-то попал за границу, в сентябре явился оттуда франтом и ни о чем по-прежнему не заботился, представив жене своей распоряжаться, как она знает. Та уехала на лето с одной богатой барыней в ее имение, оставив присматривать

за квартирой какую-то старуху из богадельни.

Девушки-сироты продолжают одна худеть, другая толстеть, и все бранятся между собой о том, к кому относятся комплименты купца Гвоздева. Этот продолжает восхищаться ими с порога своего магазина.

Чиновник Брагин теперь уже управляет отделением. С экзекутором он по-прежнему закадычный приятель и получил казенную квартиру.

Кончив все дела в департаменте, они садятся за карты и к ночи расходятся по своим квартирам, не совсем трезвые. Брагин, с вечера, после пунша, либеральничает напропалую и бранит, как всегда, свое начальство, а утром является к директору почтительным чиновником.

Юхнов служит в отделении Брагина и приютился на маленькой квартире в казенном доме под крылышком Брагина. Когда этот выпьет вечером пунша, Юхнов по-прежнему возмущается за либеральные его выходки против начальства. Утром же Брагин, отрезвившись, во всем соглашается с ним и пользуется его услугами.

Жизнь все жизнь, понемногу движется, куда-то идет все вперед и вперед, как все на свете, и на небе, и на земле... Только, кажется, один Иван Иванович как будто не изменился. Он по-прежнему управляет домом, живет и лето и зиму постоянно в городе, со всеми говорит шутя и все улыбается. Да, он, как будто, не изменился.

А почему же он отговорил от квартиры, вакантной после Брагина, каких-то длинноволосых молодых людей и стриженую барышню, и поспешил отдать ее какому-то своему, по-видимому, приятелю, прозванному им "философом", с которым он ничего общего не имел?

Тот лет десять все составляет какой-то лексикон восточных языков, да кроме того занимается астрономией, перечел все авторитеты от Ньютона, Гершелей, до какого-нибудь Фламариона, и все хочет добиться, есть ли жители на Венере, Марсе и других планетах, какие они, что делают и прочее?

Он тоже охотник рассуждать об отвлеченных предметах и говорит, все говорит, когда к нему зайдет Иван Иванович! А этот послед-

ний заходит туда каждый день, слушает философа одного молча и серьезно, улыбаясь только его сестре, молодой вдове, на которой будто бы, как рассказывают злые языки в доме, он не прочь и жениться. Он и дачу нанял под городом близко, перевез туда брата и сестру, и кончив свои занятия в доме, ездит туда ежедневно, обедает с ними и поздно вечером возвращается в город.

Почему же все это? А будто не изменился! Нет, видно, изменился и он и его жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...